

Л. Калюжная

Николай Семенович Лесков (1831–1895)

Николай Семенович Лесков родился 4 (16) февраля 1831. Отец его происходил из духовенства и сам окончил духовную семинарию, но, прервав семейную традицию, стал чиновником и дослужился до потомственного дворянства. В матери его соединились дворянство и купечество. Таким образом, в будущем писателе слились четыре сословия, которые были ведомы ему, как говорится, на генетическом уровне. Детство его прошло в Орле. С малых лет Николай Лесков был страстным читателем и впоследствии слыл одним из самых образованных писателей своего времени, хотя, проучившись в орловской гимназии пять лет, получил свидетельство об окончании лишь двух классов. Все остальное дали ему жизнь, талант и воля к творчеству.

В шестнадцатилетнем возрасте, благодаря связям отца, Николай Лесков поступил на службу в Орловскую палату уголовного суда канцелярским служителем 2-го разряда, но через год отец умер от холеры, и вскоре юноша переехал в Киев, где жил брат его матери — врач, профессор Киевского университета С.П. Алферьев. Николая Лескова определили на службу в Киевскую казенную палату, через короткое время деятельный характер позволил ему дослужиться до начальника по «рекрутскому столу».

Киев пришелся по душе будущему писателю, и он задержался в нем на 8 лет. Здесь он обзавелся довольно большим и пестрым кругом знакомств. По службе он общался с чиновничьим миром и разными слоями народа, как племянник известного профессора был вхож в высшие круги киевской интеллигенции, время от времени посещал лекции в университете, завел дружбу со студентами. Смерть Николая I сняла многие запреты в общественно-политической жизни, и Лесков горячо участвовал в студенческих спорах о будущем России.

Как отмечали современники, знавшие Лескова, он всегда отличался тяжелым нравом — деспотичный, мнительный до маниакальности, вспыльчивый и гневливый, в теории строгий морализатор, а в реальности далеко не пуританин, он с удивительной последовательностью наживал себе врагов. Возможно, это и явилось причиной того, что, несмотря на большую привязанность к Украине (которая отразится потом во многих его произведениях), в 1857 он переезжает в село Райское Пензенской губернии, поступив на работу в коммерческое предприятие «Шкотт и Вилькенс», основанное мужем его тетки англичанином Шкоттом.

Предприятие это занималось и земледелием, и производством сахара, спирта, селитры, досок, паркета... По словам Лескова, там «хотели эксплуатировать все, к чему край представлял какие-либо удобства». За три года коммерческой службы он изъездил по делам всю Россию и в преклонном возрасте с благодарностью вспоминал «это самое лучшее время моей жизни, когда я много видел и жил легко». Но такова уж была планида у Лескова, что «жить легко» ему почти не приходилось — в 1860 предприятие лопнуло и он вернулся в Киев. Однако за время коммерческих странствий у него появилась тяга к публицистике, что он начал осуществлять в Киеве, а вскоре, наметив более широкое поле деятельности, переехал в Петербург.

Лесков стал постоянным сотрудником газеты «Северная пчела», его статьи, очерки сразу были замечены, но, как отмечал один из рецензентов: «Там тратится напрасно сила, не только не высказавшаяся и не исчерпавшая себя, а, может быть, еще и не нашедшая своего настоящего пути». Однако бесполезной работы не бывает — о разнообразии приобретенного Лесковым опыта можно судить по названиям его столичных публикаций: «О винокурной промышленности», «О рабочем классе», «О влиянии различных видов частной собственности на народное хозяйство», «Вопрос об искоренении пьянства

в рабочем классе», «Сводные браки в России», «Русские люди, состоящие “не у дел”», «О переселенных крестьянах», «Русские женщины и эмансипация» и т.д.

Как видим, писатель имел все основания высказаться о своей художественной манере так: «Мои священники говорят по-духовному, нигилисты — по-нигилистически, мужики — по-мужицки, выскочки из них и скоморохи — с выкрутасами и т. д. ...Вот этот народный, вульгарный и вычурный язык, которым написаны многие страницы моих работ, сочинен не мною, а подслушан у мужика, у полуинтеллигента, у краснобаев, у юродивых и святош... Ведь я собирал его много лет по словечкам, по пословицам и отдельным выражениям, схваченным на лету, в толпе, на барках, в рекрутских присутствиях и в монастырях...» Вообще случай Николая Лескова в русской словесности редчайший — в большую литературу он, можно сказать, оказался втянутым случайно и в довольно позднем возрасте — после тридцати лет. Первые его шаги в ней начались с грандиозного скандала, отзвуки которого сопровождали всю его и творческую, и личную жизнь.

Здесь необходимо вставить несколько слов о его общественно-политических воззрениях. В отличие от революционных демократов, чей звездный час уже приближался, Лесков не верил в крестьянскую революцию, равно как и в новые социально-теоретические идеи, занесенные с Запада. Как практик, будущее России он видел в развитии отечественной промышленности и торговли, а улучшение жизни народа — в уничтожении остатков крепостничества, просвещении и религиозной гуманности.

В мае 1862 в Петербурге возникли большие пожары. Охранительная печать связала их с появлением подпольной прокламации «Молодая Россия» и обвинила в поджогах революционно настроенную молодежь, или, как тогда говорили, — нигилистов. В «Северной пчеле» по этому поводу появилась передовица, написанная Лесковым. Он требовал немедленного установления виновных и их наказания, что было вполне справедливо. Однако «прогрессивная» печать усмотрела в этом провокацию, объявив, что Лесков призывает власти к принятию строгих мер против демократов. Разгневанный автор решил ответить на это романом и вывести нигилистов на чистую воду.

В 1864 в журнале «Библиотека для чтения» под именем М. Стебницкого он опубликовал роман «Некуда». В нем были показаны нигилисты, выдающие себя за революционеров и прикрывающиеся «идеями» лишь затем, чтобы бездельничать, жить на чужой счет и растлевать молодых женщин. Собственно, нигилисты тогда были «модной» темой, отразившейся в таких произведениях, как «Отцы и дети» Тургенева, «Обрыв» Гончарова, «Взбаламученное море» Писемского и др., однако в лесковском романе слишком явно угадывались реальные лица из среды демократической интеллигенции, а также известная «Знаменская коммуна», где молодые люди вписывали в жизнь идеи романа Чернышевского «Что делать?».

Посягнувший на разночинные святыни Лесков огульно был зачислен молвой в агенты Третьего отделения.

«Найдется ли теперь в России... хоть один журнал, который осмелился бы напечатать на своих страницах что-нибудь выходящее из-под пера г. Стебницкого и подписанное его фамилией?» — грозно спрашивал Писарев в статье «Прогулка по садам российской словесности». Журналы, разумеется, нашлись, но на писательской репутации Лескова появилось несводимое пятно.

В этом романе отразилась и семейная история Лескова, тоже имевшая довольно драматические последствия.

Лесков не раз говорил о себе: «Я выдумываю тяжело и трудно... У меня есть наблюдательность, но мало фантазии». Это свойство его таланта сказалось в образах романа, написанного к тому же спешно и еще неокрепшей писательской рукой. В жене главного героя доктора Розанова (alter ego автора) без труда можно было узнать жену писателя Ольгу Васильевну, дочь богатого киевского домовладельца, на которой Лесков женился еще в 22 года.

В пору создания романа брак их терпел крушение — у Лескова появилась другая женщина, что он не скрывал, и опостылевшая жена, само собой, была выведена «дьяволицей во плоти», чего не заметить она не могла. О ней в романе мелькнула фраза «Она совсем сошла с ума», которая через четверть века материализовалась — Ольга Васильевна была помещена в больницу для душевнобольных и провела там последние тридцать лет жизни. (Лесков навещал ее до конца своих дней, но когда, уже после его смерти, у нее спросили, помнит ли она человека по имени Лесков, прозвучал ответ: «Вижу... вижу... Он черный...»). Кстати, во второй части «Некуда» появляется «ангел во плоти» Полинька Калистратова, списанная с возлюбленной писателя Катерины Бубновой. С этим «ангелом» Лесков прожил в гражданском браке лет двенадцать, но и он распался. С писателем остался их одиннадцатилетний сын Андрей. Мальчик взял на себя все хозяйство и заботу об отце. Он оказался единственным привязанным к Лескову человеком и первым его биографом, оставив многостраничный труд «Жизнь Николая Лескова».

На этом малоудачном в художественном смысле романе пришлось задержаться, поскольку в жизни писателя он сыграл роковую роль. «Двадцать лет кряду... гнусное оклеветание нес я, и оно мне испортило немного — *только одну жизнь...*» — вспоминал он.

Лесков начинал, помимо злополучного романа, такими яркими произведениями, как «Леди Макбет Мценского уезда», «Овцебык», «Житие одной бабы», но к нему, увы, не приехали ночью Некрасов с Григоровичем, как в случае с молодым Достоевским, чтобы поздравить его и русскую литературу с рождением нового таланта. Демонизированный демократической печатью, много лет он публиковался во второстепенных газетах и журналах за сущие гроши. И каждое новое произведение попадало под прицельный огонь газетно-журнальных полемистов: зачем в «Запечатленном ангеле» раскольники признают превосходство господствующей церкви? — это неправдоподобно и слишком законопослушно; почему Левша, попав в Англию, был там оценен как гениальный мастер и мог бы преуспевать, а вернувшись на родину, погибает? — это клевета на Россию... Да потому, как сказал Василий Розанов, что мы не можем вырваться из-под власти национального рока. И еще до Розанова, пережившего революцию и написавшего свой «Апокалипсис», предчувствие этого Апокалипсиса выразил Лесков.

Самые известные произведения Николая Лескова — «Воительница», «Запечатленный ангел», «Очарованный странник», «Левша», «Тупейный художник» и другие — написаны в той художественной манере, которую мы сегодня называем лесковским сказом. Сказ — это своеобразная речь персонажа, от имени которого ведется рассказ. Еще с древнейших времен сказителями на Руси были люди с поэтическим мировосприятием, потому и сказ близок к поэзии. У лесковских рассказчиков яркость метафор, напевность, фольклорные «оглядки», напряженная психологичность речи делают ее и поэтичной, и очень личностной. Вот как в «Запечатленном ангеле» рассказчик изъясняет преимущества «настоящей чисто русской женской породы» перед новомодной «змиевидностью»: «...у наших носики не горбылем, а все будто пипочкой, но этакая пипочка, она, как вам угодно, в семейном быту гораздо благоуветливее, чем сухой, гордый нос. А особливо бровь, бровь в лице вид открывает, и потому надо, чтобы бровочки у женщины не супились, а были пооткрытнее, дужкою, ибо к таковой женщине и заговорить человеку повадливее, и совсем она иное на всякого, к дому располагающее впечатление имеет. Но нынешний вкус, разумеется, от этого доброго типа отстал и одобряет в женском поле воздушную эфемерность, но только это совершенно напрасно». Поэма!

К слову сказать, лесковские произведения населены весьма колоритными женщинами из разных сословий: крестьянками, купчихами, мещанками, интеллигентками, но, как правило, все их судьбы трагичны. Это могло бы показаться мрачной лесковской чрезмерностью, если бы не грустное наблюдение «веселого» Пушкина, высказанное в одном

из писем, — о том, что русский человек в семейственной жизни несчастлив; это, по мнению поэта, подтверждают и русские народные песни.

Несмотря на склонность Лескова как художника к каламбурам, анекдотам, иронии, он выслушал немало упреков в мрачном отражении жизни. Формальные причины для этого были — почти все его сюжеты с драматическими или трагическими финалами. Разве что Шерамур, герой одноименной новеллы, кончил хорошо. Станный русский, неизвестно по каким причинам (с комическими намеками на какую-то «политику») попавший за границу и сделавшийся «политбомжем», в конце концов успокаивается там в добротных семейных объятиях.

В 1880-х Лесков создает — в поисках «положительных начал жизни» — цикл рассказов о русских праведниках. Наиболее известный из них — «Несмертельный Голован». Однако Голован, как все лесковские праведники, «сумнителен в вере», и все чудо его «несмертельности» во время ухаживания за умирающими во время чумы писатель объясняет «естественными причинами». К тому времени и сам Лесков стал «сумнителен в вере», сблизившись с Львом Толстым и его новой религией, расходящейся с официальной (что, как известно, завершится отлучением Толстого от Церкви). Лесков, как это ни парадоксально на фоне его прежних воззрений, находит вдруг рациональное зерно в теориях Белинского, Чернышевского и... Карлейля.

В конце жизни чутье художника уведет Лескова от этих позитивистских учений, подменяющих веру филантропией. Его земная биография завершалась, несмотря на все пережитые им искусы, по-христиански. За два года до смерти, уже тяжело больной, Лесков писал Льву Толстому: «На дух мой болезнь имела благое влияние — я увидал еще всю черноту и, к ужасу, заметил, как много я занимался опрятностью других людей, вместо того чтобы себя смотреть строже». После кончины Лескова в его столе нашли письмо, где есть такие слова: «Прошу затем прощения у всех, кого я оскорбил, огорчил или кому был неприятен».

Лев Толстой как-то сказал: «Лесков — писатель будущего». И это, похоже, так. Современность уже ответила на его литературный вызов — сегодняшняя жизнь с ее предательствами и братоубийственными войнами оказалась даже более жестокой, чем его «жестокая проза».